

А.В. Юревич

СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Аннотация

В статье анализируется современное состояние российской социогуманитарной науки. Приводятся свидетельства количественного роста ряда дисциплин — политологии, экономики, правоведения, социологии, которые, по мнению автора, в современной России востребованы больше, нежели науки естественные и технические. Причины — в нынешнем состоянии российского общества, а также в специфических отношениях отечественной науки с «мирами» бизнеса и политики. Высокая востребованность ряда звеньев отечественной социогуманитарной науки сочетается с утратой ею знание-производящей функции и превращением в посреднический механизм трансляции знания, произведенного западной наукой, в отечественную социальную практику.

Преуспевающие гуманитарии

История науки с убедительностью свидетельствует о том, что единой для всех научных дисциплин траектории развития не существует: во-первых, развитие каждой из них подчиняется своей внутренней логике, во-вторых, каждый тип науки реагирует на собственные внешние стимулы. Так, давно подмечено, что для технических наук основным стимулом является производство, для естественных наук — базовые потребности человечества, такие как открытие новых источников энергии, борьба с болезнями и т.п., для общественных — социальные проблемы, для социогуманитарных — познание человека и контроль его поведения. Поэтому если технические науки наиболее интенсивно развиваются во время подъемов производства, то периоды расцвета общественных наук приходятся на социально-экономические кризисы, а такие гуманитарные дисциплины, как история, филология, философия, наиболее успешно развиваются в периоды «застоя» (примеры — Германия XIX в., СССР), когда внешний социальный контекст развития науки «заморожен» и первостепенную роль приобретает внутренняя когнитивная динамика. Кроме того, социогуманитарные дисциплины в целом более чувствительны к воздействию внешнего социального контекста и более гибко реагируют на его изменения, что проявляется в их большей подверженности идеологизации и в большей зависимости

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ. Номер гранта 05-03-03036а.

от существующего в той или иной стране социально-политического порядка.

В результате, вопреки расхожим стереотипам (например, стереотипному представлению о том, что науке «хорошо» при демократии и «плохо» при тоталитаризме), социальных условий, в равной мере оптимальных для всех научных дисциплин, по-видимому, вообще не существует. То, что содействует развитию одних дисциплин, может препятствовать развитию других, в результате чего в одном и том же обществе разные науки функционируют по-разному, а бедственное состояние естествознания может сочетаться с расцветом социогуманитарной науки или наоборот. При этом в условиях крутых разворотов социально-политического курса общественные и гуманитарные дисциплины потенциально обладают лучшими возможностями оперативной адаптации к новому, чем науки естественные и технические; к тому же сами эти развороты, превращаясь в объект изучения, создают дополнительный стимул для развития социогуманитарной науки.

На фоне этих закономерностей происходящее с наукой в современной России не выглядит парадоксальным. Хотя диагноз ей, как правило, выносится «методом вычисления средней температуры по больнице», т.е. речь идет о науке вообще, хотя «наука вообще» — это абстракция, разные виды научных дисциплин оказались в разном положении. Если естественные и технические науки действительно обнаруживают все основные признаки упадка и разрушения (хотя имеются и отдельные позитивные тенденции), то целый ряд социогуманитарных дисциплин обнаруживает симптомы интенсивного количественного роста.

Поскольку наше государство предпочтения социогуманитарным дисциплинам явно не оказывает, а в «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу» [1], выражающих официальную государственную стратегию развития науки, о них сказано лишь одна фраза, столь разительные различия в состоянии разных видов науки можно объяснить только тем, что социогуманитарные дисциплины более успешно адаптировались к отечественному варианту рыночной экономики (что, естественно, не означает отсутствия в наших НИИ значительного количества бедствующих и невостребованных гуманитариев). И символично, что новая когорта нашего научного сообщества, которую можно назвать «новыми русским учеными», имеющими доход свыше 1000 долл. в месяц, формируется в основном за счет социогуманитариев [2].

Способы и механизмы адаптации к рынку наших социогуманитариев весьма разнообразны, причем в условиях отчетливо наблюдающейся *стратификации* российского научного сообщества каждая возрастная, дисциплинарная, ведомственная группа социогуманитарного сообщества реализует свою, характерную именно для нее модель выживания и приспособления к этому рынку, т.е. участвует в рыночном плавании собственным стилем. Вместе с тем

Востребованность социогуманитарного образования

вырисовываются и типовые для отечественных социогуманитариев стратегии адаптации к нашему рынку, которые можно считать *главными способами взаимодействия социогуманитарной науки и рыночной экономики в современной России*.

Наиболее естественный из этих способов связан с системой образования, а одна из главных причин лучшей адаптированности социогуманитариев обычно видится в большей востребованности гуманитарного образования, нежели естественнонаучного или технического.

Самым простым и очевидным показателем популярности различных видов образования служит конкурс в соответствующие вузы. По этому показателю гуманитарные вузы и гуманитарные факультеты университетов у нас с 70-х годов истекшего века стабильно опережают естественные и технические, что противоречит тенденциям, наблюдающимся в других странах мира, где естественнонаучное, техническое и медицинское образование популярно не меньше, чем гуманитарное. В первые годы рыночных преобразований эта традиция не нарушилась, хотя и была несколько модифицирована сдвигами в иерархии самих социогуманитарных дисциплин, где философы, филологи и журналисты оказались потеснены экономистами и юристами. А опрос, недавно проведенный РОМИР, продемонстрировал, что наши студенты делят социогуманитарные дисциплины на три категории, относя к числу «дисциплин-лидеров» экономику и право, к числу «перспективных дисциплин» — социологию, психологию и международные отношения, а к категории «дисциплин-аутсайдеров» причисляя историю, филологию, философию, культурологию и педагогику [3]. Эта стратификация изрядно отличается от иерархии позднесоветских времен, когда наименее доступными считались философские и филологические факультеты. Однако в целом тенденция сохранилась: конкурс в гуманитарные вузы и на гуманитарные факультеты университетов по-прежнему выше, а, скажем, технические вузы, возведшие себя в ранг университетов, держатся на плаву в основном за счет открытия в общем-то непрофильных для них гуманитарных факультетов, а также факультетов менеджмента, маркетинга и т.п.

Близким по смыслу, но более современным показателем большей востребованности гуманитарного образования служит стоимость платного обучения в соответствующих вузах. Здесь среди лидеров Московский институт международных отношений и Высшая школа экономики, а обучение на гуманитарных факультетах негуманитарных вузов стоит дороже, чем на негуманитарных.

Показательна также политика негосударственных вузов, которые, по общему признанию, в наибольшей степени реализуют — в сфере образования — рыночные принципы. 97% негосударственных вузов заняты предоставлением услуг в области гуманитарного образования [4], а 75% всех новых учебных курсов относятся к менеджменту, юриспруденции и экономическим дисциплинам [5].

Описанные тенденции наблюдаются также на уровне аспирантуры и докторантуры. Уже в 1998 г. более 40% выпускников аспирантуры составляли гуманитарии, что в числовом выражении равнялось 7230 человек, в то время как в 1995 г. их было всего 4260. Примерно треть выпуска аспирантов приходилось на экономические науки. Количество экономистов среди выпускников аспирантуры с 1995 г., когда их было 993 человека, к 1998 г., когда их стало 2052, возросло более чем в два раза. А среди выпускников докторантуры число экономистов за эти годы увеличилось на 29% — с 54 до 76 человек. Заметный прирост числа выпускников аспирантуры и докторантуры происходил и в таких областях, как право и социология. Но максимальное — троекратное — приращение выпуска аспирантов и докторантов пришлось на политологию, где, например, численность докторантов возросла с 17 человек в 1995 г. до 51 в 1998 г. [6].

Обозначенные тенденции получают и идеологическое оформление. Часто звучат высказывания о том, что гуманитарное образование становится производительной силой общества, а наступивший век будет веком гуманитарных наук, в то время как на Западе его воспринимают как век биологии.

Востребованность системой образования содействует буму социогуманитарных наук и облегчает их адаптацию к нашему специфическому рынку. И хотя среднестатистическая зарплата социогуманитариев по-прежнему свидетельствует об «униженном и оскорбленном» состоянии российской интеллигенции, в некоторых вузах она составляет порядка 500 долл., а зарплата деканов социогуманитарных факультетов превышает, подчас значительно, 1000 долл. Но, как всегда в нашей стране, куда лучшие возможности заработать предоставляет теневая экономика — в данном случае теневая экономика образования. Ее масштабы оцениваются — разумеется, очень приблизительно — суммой порядка 2 млрд долл. в год, из которых основная часть идет на гонорары репетиторов и т.п. И вполне понятно твердое сопротивление вузовских преподавателей введению Единого государственного экзамена, ведь после его введения «натаскивать» будут не на вступительные экзамены в вузы, а на ЕГЭ, и соответствующие денежные потоки переместятся из вузов в школы.

Повышение востребованности поствузовского гуманитарного образования, проявляющееся в увеличении численности аспирантов и докторантов, а также рост популярности соответствующих ученых степеней, для получения которых, естественно, нет необходимости учиться в аспирантуре и докторантуре, создают естественный соблазн коммерциализировать и это. Что и делается. Все более широко внедряется практика платных защит, платного соискательства и т.п., создающая труднопреодолимые препятствия для малообеспеченных соискателей, однако в некоторых случаях выглядящая вполне уместной. Так, около 15% кандидатских диссертаций сейчас защищают представители коммерческих структур, которые таким образом «делятся» с научно-образовательными

учреждениями. Эта практика тем более справедлива в отношении политиков, редкий из которых сейчас не имеет ученой степени, причем, как правило, докторской.

Поскольку любая формальная, легализованная система всегда имеет в нашей стране неформальное отображение в сфере теневой экономики, практика подготовки диссертационных работ не могла не пустить в ней отростки. Существует типовой «прейскурант», согласно которому написать за другого кандидатскую диссертацию стоит порядка 5 тыс. долл., а докторскую — порядка 10 тыс., причем цены на этот неформальный вид научной продукции в последние годы растут. Наибольший спрос, естественно, существует на диссертации, подготовленные в области наиболее конъюнктурных дисциплин — экономики, политологии и др., где и расценки выше, и уже сформировался слой гуманитариев, для которых такая деятельность составляет основной источник доходов. Те, кто пишет на заказ диссертации, нередко пишут за других и книги (на научные статьи меньший спрос), что расширяет сферу теневых услуг. Их клиентуру, разумеется, нетактично, да и небезопасно раскрывать. Но если некий политик или государственный деятель, не сходя с телеэкрана или не покладая рук на службе отечеству, умудряется издавать в год пару-тройку книг, можно не сомневаться, что он принадлежит к этой самой клиентуре и поддерживает нашу многострадальную науку, но не общепринятым, а закулисным образом, внося вклад не в приращение научного знания, а в повышение благосостояния действительных авторов своих произведений.

Впрочем, в легальных связях представителей нашей социогуманитарной науки, особенно вузовской, с политической и бизнес-элитой тоже нет недостатка. Те отечественные бизнесмены и политики, которые планируют дать образование своим отпрыскам в нашей стране, а не за рубежом, любят завязывать неформальные отношения с ректорами и деканами отечественных вузов, и редкий юбилей ректора какого-либо университета обходится без участия людей, широко известных в мире бизнеса и политики. К тому же в последние годы наши бизнесмены начали делать пожертвования вузам, и таким образом соответствующая интернациональная практика наконец-то начинает распространяться у нас. А главным персонифицированным символом крепнущего союза между нашей образовательной системой и миром бизнеса стало избрание не имеющего ученой степени бизнесмена ректором одного из лучших отечественных университетов. И хотя эта история не имела счастливого продолжения, а наиболее подходящая ниша для подобных людей — все же место не ректора, а председателя или члена попечительского совета, такие симптомы говорят о явном взаимоприращении нашего бизнеса и отечественной системы образования. И их сближение не может не радовать — невзирая на все сопутствующие ему недоразумения и эксцессы.

Одной из главных причин высокой востребованности социогуманитарных наук в современной России служит настоящий культ политики и всего, что с ней связано (у нас даже разводы нередко происходят по политическим причинам, что немало удивляет иностранцев). Поэтому вполне закономерны и изменение общей траектории развития отечественной науки, которое можно выразить формулой «из космоса в политику» [7], и ее переключение с прежних социальных функций, таких как обслуживание ВПК, который потреблял более 80% общих расходов на советскую науку, на новые — такие, как обслуживание мира политики. Соответствующий социальный заказ оформился как заказ в первую очередь социогуманитарной науке, что не так тривиально, как может показаться на первый взгляд, и предопределено не столько общими закономерностями взаимодействия науки и политики, сколько спецификой новорусской политической культуры.

В западных странах, где, по подсчетам экономистов, 65—80% прироста национального благосостояния происходит за счет научно-технического прогресса [8], один из стержневых компонентов программы любой солидной политической партии составляет *научно-техническая политика*. Реализуется принцип «политики для общества посредством науки», а восприятие политиков электоратом во многом зависит от их вклада в создание оптимальных условий для развития науки и техники. В результате западные политики, как правило, «дружат» не с какой-либо отдельно взятой наукой, а с научно-техническим комплексом в целом.

Иное дело отечественные политики. Несмотря на их патологическое пристрастие к ученым степеням, научно-техническая политика занимает крайне скромное место (а чаще вообще не занимает никакого места) в их предвыборных программах и в их риторике, а их взаимодействие с наукой построено по схеме «наука для политики». Ими востребована лишь та наука, которая позволяет улучшать политический имидж, готовить и проводить избирательные кампании, зондировать и «зомбировать» общественное мнение, т. е. та наука, которая полезна лично им, а не та, которая обеспечивает развитие общества и повышение его благосостояния.

Потребности отечественных политиков и их сугубо потребительское отношение к науке обусловили не только «разворот» общей проблематики наших социогуманитарных дисциплин и их «равнение на политологию» [9], но и ряд институциональных изменений в их организации. Наша академическая наука оказалась плохо приспособленной к выполнению такой специфической и неакадемической функции, как обслуживание политиков. Зато как грибы после дождя (интересно, что это выражение независимо друг от друга употребляют самые разные исследователи) стали плодиться так называемые независимые исследовательские центры, которые довольно быстро оттеснили академическую науку от умов и кошельков наших политиков. В последние годы создано более 100 новых социологических центров, которые в основном проводят опросы общественного

мнения и выполняют другие прикладные заказы, имеющие непосредственное отношение к политике. Возникло и более 300 собственно политологических исследовательских центров (во всяком случае заявивших о себе в этом качестве) с весьма сомнительной, за немногими исключениями, репутацией, но зато со средним оборотом порядка 300 тыс. долл. в год [10]. И эта цифра, какой бы ненадежной она ни была, служит убедительной иллюстрацией того, какая именно «наука» у нас востребована

Нет смысла в очередной раз оценивать лихорадочное создание всевозможных социологических и политологических, экономических и стратегических центров, явно настроенных на обслуживание тех или иных структур власти, предпринимательства, общественных организаций, связывая его с тем, что конкурировать в одиночку с представителями академической науки непросто, однако можно это делать, выступая с оценками от имени центра или фонда с солидным наукообразным названием [11], с особенностями «антрепренерской» — в терминах Дж. Раветца [12] — науки, и давать характеристику соответствующим образованиям. Отметим лишь, что они вполне органично интегрированы с миром политики и, по всей видимости, дают нашим политикам то, чего те хотят, ведь иначе соответствующие «аналитики» жили бы недолго — по крайней мере в качестве аналитиков.

Новыми институциональными формами адаптации нашей социогуманитарной науки к происходящему в современной России стали «институты-карлики» и «институты-призраки».

«Институты-карлики», которыми с недавних пор начали обростать наши университеты и другие крупные вузы, — это вполне интернациональная форма организации науки, в какой-то мере противоположная гигантизму советских научно-исследовательских учреждений, все еще дающему о себе знать в российской науке. В отличие от наших НИИ-гигантов в штате «институтов-карликов», как правило, насчитывается не более пяти человек, и создаются они, опять же в отличие от традиционных НИИ, не на века, а для решения определенной задачи, в большинстве случаев так или иначе связанной с политикой. «Институты-карлики» имеют немало преимуществ перед НИИ-гигантами, хотя жестко противопоставлять друг другу эти формы организации науки было бы неверно. К тому же очень распространенной формой их взаимодействия является ситуация, когда специалисты, работающие в негосударственных «институтах-карликах» на договорных началах, хранят трудовые книжки в государственных НИИ, где раньше появлялись лишь в дни зарплаты, а теперь, после того как их зарплаты стали переводить на кредитные карточки, не появляются вовсе.

В отличие от «институтов-карликов» «институты-призраки» выглядят не интернациональной, а специфически российской формой организации науки, неся на себе печать массовой склонности к профанациям, очень характерной для нынешнего российского общества. Как и любые призраки, эти институты неуловимы, а об их

существовании можно судить лишь по косвенным признакам — главным образом по продуктам их трансцендентной активности. Ее типовыми проявлениями являются, во-первых, вывеска на стене какого-либо известного научного или образовательного учреждения, в помещении которого «призрак» живет — подобно тому, как привидения жили в средневековых замках, во-вторых, личность, которая позиционирует себя в качестве директора такого института, выступая, в основном в СМИ, от его имени. Другие проявления активности «институтов-призраков» окружающему их научному сообществу, как правило, неизвестны.

Еще один, помимо системы образования и мира политики, крупный потребитель социогуманитарного знания в современной России — мир бизнеса, хотя, конечно, эти «миры» делимы лишь в абстракции — и из-за их взаимовлияния, меру которого трудно переоценить, и ввиду того, что многие известные личности являются одновременно и бизнесменами, и политиками. Отметим в данной связи, что в норме, т.е. в той модели взаимодействия науки и бизнеса, которая характерна для развитых стран, в наиболее тесных контактах с бизнесом состоят не социогуманитарные, а естественные и — главным образом — технические науки. В поле этого взаимодействия действуют две основные силы — «выталкивание» нового научного знания на рынок (push) и «подтягивание» его создания спросом (pull), а главным связующим звеном между его участниками служит *наукоемкое производство*. Оно стимулирует развитие прикладной науки, та, в свою очередь, — фундаментальной, и именно эта связка обеспечивает как высокую востребованность науки, так и прирост 65—80% национального богатства в развитых странах за счет НТП.

Именно на данную схему ориентированы как на идеал государственные программы развития российской науки, которые страдают тем же недостатком, что и программа строительства коммунизма, — «сдвигом идеала на реальность». В современной России новые естественнонаучные и технические знания не востребованы, а состояние производственной базы таково, что мечты об их коммерциализации выглядят как «технологическая утопия», как миф о светлом технологическом будущем России, пришедший на смену мифу о коммунизме. Привычной иллюстрацией этой утопии служит идея «национального российского автомобиля», который мы уже не один десяток лет безуспешно создаем. И здесь возникает сколь парадоксальная на фоне мировых стандартов, столь и симптоматичная для современной России ситуация, весьма далекая от той, которая стояла бы за часто и с горечью произносимой нашими учеными фразой: «Наука в современной России никому не нужна и не востребована». В действительности *современный российский бизнес предъявляет науке вполне отчетливый и хорошо обеспеченный финансами социальный заказ, но, вопреки практике других стран, этот заказ обращен не столько к естественным и к техническим, сколько к социогуманитарным наукам.*

Наука и бизнес

Объяснить эту одновременно парадоксальную и закономерную ситуацию не составляет труда. Как известно, наиболее доходными видами бизнеса у нас является не производство (исключение — производство лекарственных препаратов, не требующих больших вложений капитала и при этом продаваемых по непомерно завышенным ценам), а первичная переработка сырья, торговля и финансовые операции. Соответственно от науки требуется не стимуляция наукоемкого производства и его снабжение новыми технологиями, а прежде всего создание оптимальных, то есть наиболее выгодных для продавца, условий его взаимодействия с покупателем, оптимизация внутренних механизмов деятельности коммерческих структур, а также — и это уже идеологический заказ — оправдание подобного характера современного российского бизнеса, преподнесение его нашему обществу в качестве «неизбежного и единственно возможного». Нет нужды доказывать, что все три задачи относятся к ведомству социогуманитарного знания. А тремя основными точками его взаимодействия с современным российским бизнесом служат, во-первых, маркетинговые исследования — изучение спроса, обследование различных групп потребителей, подведение научной базы под рекламу, торговлю и прочие виды коммерческих услуг, во-вторых, оптимизация кадровой политики и деятельности коммерческих фирм посредством профотбора, организационного консультирования, различных видов тренинга и т.п., в-третьих, хотя и в меньшей степени, изучение (а иногда и оправдание) общего характера современного российского бизнеса как нового для нас явления.

Коммерци-
ализация
и либерализация

Активная коммерциализация нашей социогуманитарной науки совпадает с *либерализацией ее когнитивного контекста*, что заставляет вспомнить тесную связь идейно-политической либерализации и распространения рыночных отношений в истории цивилизации. Постмодернистская методология уверенно распространяется во всех без исключения социогуманитарных дисциплинах, принося с собой легализацию плюрализма парадигм и концепций, освобождение от строгих правил и традиций и т. п. Здесь, конечно, можно усмотреть простое совпадение параллельно разворачивающихся процессов: с одной стороны, распространения постмодернизма в современной, постнеклассической (в терминах В.С. Степина [13]), науке, с другой — распространения рыночных отношений в нашем обществе, в сеть которых попала и наука. Но можно разглядеть и взаимосвязь соответствующих процессов: с одной стороны, создание лучших условий для коммерциализации научного знания в условиях постмодернистской методологии, с другой — облегчение распространения этой методологии, снимающей ригористичные методологические запреты, в условиях снятия запретов в окружающем нашу науку социально-экономическом пространстве.

Пример можно взять из области психологии (как научной дисциплины). Основная часть психологической практики строится на модифицированных в той или иной мере принципах фрейдизма, а

также тесно связанных с ними принципах гуманистической психологии и т.п. Вместе с тем официальной методологией нашей психологической науки долгие годы был позитивизм, обросший марксистской фразеологией. И если бы легализация методологического плюрализма не произошла в сфере психологических исследований и в системе подготовки психологов, то возможности практического применения полученного ими образования были бы сведены почти к минимуму. И, наоборот, плюрализм психологической практики, в общем и целом развивающейся по схеме «пусть расцветают сто цветов», не мог не отразиться на методологических стандартах академической психологии, которая в качестве одного из основных методологических ориентиров тоже выдвинула принцип взаимной толерантности научных школ и концепций.

Вообще коммерциализация социогуманитарной науки создает в ней весьма специфический спрос на академическое знание, то есть на знание, выработанное той частью соответствующих научных дисциплин, которую принято называть фундаментальной наукой. Пожалуй, наиболее показательна в этом плане специфика спроса на *научные теории*. С одной стороны, они представляют собой вид научного знания, наиболее далекий от практики и связанный с ней длинной цепочкой дедуктивных выведений и операционализаций. С другой стороны, такие теории, как фрейдизм, не просто оказались очень востребованными на практике, но и *породили* эту практику, да и вообще сформировали что-то вроде «прикладной религии» современного общества — несмотря на то, что ни одно из ключевых утверждений фрейдизма не получило необходимого в классической науке эмпирического подтверждения. Кроме того, интенсивное развитие психологической, социологической, политологической и т.п. практики, ее проникновение во многие области социальной жизни, не охваченные научными теориями, породило потребность в новых теориях, которые позволили бы упорядочить и саму эту практику, и соответствующие области социальных феноменов. Но данная потребность оформилась в основном как спрос на теории «среднего ранга», выполняющие функции упорядочения и систематизации соответствующего локуса реальности и не претендующие на большее. (По какой-то малопонятной причине большинство подобных теорий выглядит как «триады», выделяющие в классифицируемой реальности какие-либо *три* аспекта.) Что же касается так называемых больших теорий, то они, за редким исключением (фрейдизм и др.), в этой ситуации явно остались не у дел, о чем можно судить по тематике докладов на научных конференциях, где «большие» теории вспоминают очень редко.

Такая конъюнктура порождает весьма своеобразную систему отношений между отечественной социогуманитарной наукой, зарубежной наукой и нашей социальной практикой. У отечественных социогуманитариев, вынужденных подрабатывать и поглощенных коммерциализацией научного знания, остается мало времени на его производство, и основная часть научных исследований, особенно

наиболее трудоемких — эмпирических — выполняется их студентами и аспирантами. «Большие» теории и другие виды обобщений глобального уровня тоже мало востребованы и обсуждаются лишь в узких кругах «методологов», сохранивших пристрастие к этому виду интеллектуальной деятельности. Практика же хотя иногда и взывает к творческим обобщениям, все же в основном требует применения стандартных, хотя и адаптированных к той или иной специфической ситуации, методов и подходов. В данной ситуации происходит то, что, наверное, не могло не произойти: *отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм трансляции знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т.д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику.*

В одном из недавно вышедших у нас учебников социологии содер­жится программный для этого способа существования отечест­венной социогуманитарной науки призыв — «внедрить западные ре­цепты на родную почву» [14]. В условиях глобализации современного мира, а значит, и современной науки, с одной стороны, оскудения ру­ки кормящего отечественную науку (каковым традиционно было го­сударство), утраты ею претензий на «самобытность», выполнения специфических идеологических заказов и т.п. — с другой, подобная метаморфоза ее функций не должна особенно огорчать. Это ни в коей мере не лишает наших социогуманитариев статуса ученых, ведь, например, в Толковом словаре русского языка ученый определяется как «выученный, наученный чему-нибудь» [15], то есть *обладающий* неким знанием, но вовсе не обязательно его производящий. Да и вы­полнение посреднической функции (в передаче знания) оставляет изрядный простор для творчества, ибо знание, произведенное на За­паде, всегда нуждается в адаптации к нашему вечно специфическому контексту, да и сама невозможность прямой проекции этого знания на «загадочную русскую душу» и ее не менее загадочные внешние проявления служит предметом творческих объяснений и обобщений. К тому же абсолютно стандартных социогуманитарных техник и строго объективированных видов социогуманитарного знания во­обще не существует. Это знание всегда в значительной мере субъ­ективировано, дополнено «личностным знанием» [16], а стандартные техники обрастают уникальным личным опытом и применяются в ви­де индивидуализированных ноу-хау. Так что наши социогуманита­рии как «интеллектуальные посредники» тоже играют очень важную и вполне творческую роль, однако традиционное предназначение *производителей* нового знания начинают утрачивать.

Литература

---

1. Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу // Поиск. № 16 (674). 19 апреля 2002.
2. Юревич А.В. Новые русские ученые // Независимая газета. 24 декабря 2003. С. 12.
3. Белов Е.В., Плотникова С.Г. Социально-гуманитарное образование в России: материалы социологического исследования // Преподавание социально-

гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 225—311.

4. Кемеров В.Е. Взаимодействие социально-гуманитарных дисциплин // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 84—88.

5. Дежина И.Г. Наука в российских вузах: что делается сегодня для ее поддержания и развития? // Науковедение. 1999. № 4. С. 121—143.

6. Шиянова И.А. Фундаментальное и прикладное знание в преподавании социально-гуманитарных дисциплин // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 70—78.

7. Юревич А.В. Новая траектория развития российской науки: из космоса в политику // Науковедение. 1999. № 4. С. 74—88.

8. Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? М., 2001.

9. Юревич А.В., Цапенко И.П. Наука и политика // Природа. 2003. № 5. С. 3—7.

10. Цепляев В., Пивоварова Л. В коридорах власти пахнет анализами // АиФ. Август 2002. № 33 (1138).

11. Филатов В.П. Ученые «на виду»: новое явление в российском обществе // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 89—96.

12. Ravetz J. Scientific knowledge and its social problems. Oxford, 1971.

13. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

14. Кравченко А.И. Социология менеджмента. М., 1999. С. 12.

15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998. С. 846.

16. Полани М. Личностное знание. М., 1984.